

Зоя Копельман

О «Песнях Сиона»: к динамике жанра

Словосочетание «песнь Сиона» впервые встречается в Псалме 136 (137-м по Еврейскому канону), открывающемся словами «При реках Вавилонских», где читаем: «Там пленившие нас требовали от нас... спойте нам из песней Сионских». Новое понятие получает интерпретацию в следующем стихе: «Как нам петь песнь Господню на земле чуждой?», откуда можно предположить, что песнью Сиона называли литургическое сочинение, предназначенное к исполнению в Храме и потому на земле чужой немислимое и неуместное.

По средневековый еврейский поэт Иегуда Галеви переиначил библейское понятие и создал такую песнь Сиона, которую следовало петь именно на чужбине — стихотворение «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен, | Не спросишь ты, об остатке твоих племен?». Перефразируя вышеприведенный псалом, Иегуда Галеви перенес внимание с «пленивших» на «плененных», а вражеский плен заменил на плен любовный. Знаменитейший в еврейской поэзии зачин представил сынов Израилевых влюбленными в Сион и связанными с ним нерасторжимыми узлами. Метафора любовного «плена» или «узилища» была частью канона любовной лирики «золотого века» в средневековой Испании, в том числе в стихах самого Иегуды Галеви. И теперь уже не пленившие просили у пленников петь песни далекого им Сиона, а пленники Сионовых чар напоминали «красавице», что неплохо бы ей поинтересоваться их судьбою (гора Сион, как и город Иерусалим, метонимией которого она выступает, обозначаются на иврите словами женского рода).

Дерзнуть на такое новаторство — создать песнь Сиона, адресованную не Господу в Его Храме, а Сиону, — мог только поэт, сознававший силу своего поэтического дарования. Более того, этот поэт безмерно тосковал по Святой земле и жаждал исполнить свое высшее предназначение — слагать и петь в заново отстроенном Храме гимны Богу, ведь родовое имя Галеви свидетельствовало о принадлежности к клану еврейских священнослужителей левитов. Подобное предположение о чувствах поэта подтверждают его стихи (см., напр., стихотворение «О Боже, как Твой дом узреть приятно...», с. 14 наст. изд.).

Созданные Иегудой Галеви «песни Сиона» — а поэт написал не одно такое стихотворение — позднейшие редакторы его «Дивана» свели в шквал, состав которого слегка различался в разных списках. По-русски эти стихи принято называть словом «сиониды», и со временем, благодаря множеству подражаний и позднейшим разработкам темы, сиониды в поэзии евреев составили особый жанр. Характерные мотивы сионид определяются из анализа главного произведения — «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен...»:

1. Основанное на тексте Писания перечисление величественных красот Страны Израиля с указанием библейских топонимов и описанием их особых примет.
2. Воспоминания о Святых местах, где Бог открывался праотцам; описание страны как Божьей Земли: «Там светит Слава Господня, только ею твой лик — | Не солнцем, месяцем, звездной ратью — освещен».
3. Преувеличенное восхваление природных свойств Страны Израиля: «Живо-творящий твой воздух и из мирры твой прах, | Который медом твоих потоков напоен».
4. Бинарные оппозиции: «горестное запустение страны — ликование поэта, когда он их узрит», «унылое благополучие в стране изгнания — счастливая нищета в Стране Израиля».
5. Готовность воспевать Сион: если он в запустении — воем шакала, если светит — голосом кинора (арфы).
6. Мечта стать крылатым: «Кто даст крыла мне, да буду я к расселинам скал, | Где мое сердце расколотое, принесен!»
7. Акцент на коллективной памяти и национальной любви к Стране Израиля, проявляющихся, например, в том, что все рассеянные по свету евреи молятся лицом к Сиону.

Примечательна концовка стихотворения (ее я перевожу дословно): «Блажен муж, избравший приютом обители твои! Блажен ждущий — он дойдет и увидит восход твоего света, и будут заниматься над ним твои зори; он увидит благоденствие народа твоего и возрадуется радостью твоей, когда ты возвратишься к счастью, как во дни минувшей юности твоей». Это двойное «блажен», как и зачин сиониды, тоже заимствовано из псалма «На реках Вавилонских» и побудило сочинителей последующих времен завершать свои песни Сиона в оптимистическом духе.

К XII веку, когда слагал стихи Иегуда Галеви, «сидение и плач при реках Вавилонских» сделались законом еврейского существования. И если псалмопевец изливал душу о горестях первого национального изгнания (586 г. до н. э.), которое, как известно, через несколько десятилетий сменилось возвращением значительной части народа в Сион и возрождением его политической и религиозной жизни с центром в Иерусалиме, то ко времени Иегуды Галеви евреи испытали не только новое изгнание из Страны Израиля и разрушение своего II Храма в период римского владычества (70 г. н. э.), но и неисчислимые вынужденные скитания из страны в страну далеко от пределов древнего отечества. Одни чужие берега сменялись другими, и всякий раз культура и наречия коренных жителей требовали от народа-скитальца новой адаптации, но верность своей религии, своему языку (ивриту) и память о своей земле оставались незыблемой основой еврейского мироощущения, источником сил, позволявших выдержать все испытания. Жизнь

Иегуда Галеви пришлось на мучительную конфронтацию двух цивилизаций — христианства и ислама, — и каков бы ни был локальный исход их столкновения, евреи неизменно оказывались страдающей стороной. Крестовые походы не только пролили потоки иудейской крови — они провозглашали отмену богоданного права Израиля на Святую землю. И в эту драматическую эпоху Иегуда Галеви пишет апологию еврейской веры — знаменитый трактат «Кузари», называемый иногда «Книгой Хазара», где в форме полемики доказывает истинность еврейской веры, святость Божьего народа и его непреложную мистическую и физическую связь со Страной Израиля. С несравненной художественной силой Галеви изложил в современной ему средневековой риторике традиционные верования евреев. Только слиянность с Богом, а не политика, приведут к Избавлению. История, по «Кузари», творится Создателем, и в будущем евреям гарантировано вновь собраться на земле утраченной некогда родины, вновь служить в Храме, который будет открыт для всех людей, готовых прийти к Богу. Исходя из особой миссии евреев как хранителей и учителей слова Божьего, Иегуда Галеви тем не менее с горечью отмечает их слабости и недостатки, и потому так многочисленны его стихи с призывами исправиться, отказаться от тщеты дольного мира и обратиться к очищению души, к заповедям и стремлению в Сион. Израильский историк-медиевист Ицхак Бер (1888—1980), анализируя «Кузари», писал:

Иегуда Галеви был первым со времен потери еврейской государственности, кто посвятил теоретический труд проблеме пребывания народа в изгнании. Исторические перемены предшествующих столетий (завоевание Страны Израиля арабами мусульманами и крестовые походы) и новая политическая ситуация (альтернативная гегемония двух других монотеистических религий) потребовали заново верифицировать иудаизм в глазах самих евреев. Народы древности казали в бытие, а Израиль жив. Эта нация, «скудная в материальном отношении, но сильная своей неповторимостью», продолжает существовать, несмотря на физическое ослабление, — Бог Живой питает ее. <...> Однако нельзя не признать, что изгнание ослабляет это животворное влияние. <...> Изгнание — это крах идеала, и необходимо во что бы то ни стало вернуть былое. Древние обетования актуальны для Иегуды Галеви, и задача народа — способствовать их скорейшему и полному осуществлению. Народ Израиля, Страна Израиля и вероучение Израиля нерасторжимы, их объединяет естественная и сверхъестественная связь, и это-то единение служит залогом избавления (Бер 1980: 28—29).

В отличие от автора 136-го псалма Иегуда Галеви не только скорбит об утрате. Он полон гордости от причастности бывшей славе Сиона и уверен в ее возрождении. Его «Песни Сиона» в равной мере обращены в прошлое и в будущее, причем не эсхатологическое, неопределенно далекое будущее, а реально обозримое, даже биографическое будущее. Ощущение симметрии между началом еврейской истории и ее грядущим обновлением проявилось и в стихах Галеви, где прошлое отражается в будущем и наоборот. Это свойство жанра легко и изящно воплотил спустя столетия в своей сиониде С. Маршак (см. в наст. изд. с. 74—75).

Однако, отдавая дань интеллектуальной глубине «Кузари» и поэтическому гению Иегуды Галеви, ни современники, ни потомки не восприняли его призывов. К «Песням Сиона» они относились как к сугубо личному фрагменту творчества автора, его приватному утолку во владениях поэтических конвенций той поры. Помимо эстетического наслаждения поклонники поэта были рады узнать из них о его настроениях и деяниях. Вероятно, поэтому созданный им новый поэтический жанр долгое время не получал развития. И лишь после того, как стихотворение «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен...» включили в молитвенные сборники ламентаций на 9-е Ава, день плача по разрушенному Иерусалиму, оно буквально породило на иврите новый канон (а позже немецкий и русский переводы стихотворения стимулировали развитие этого жанра на других языках).

Синагогальная поэзия Ашкеназа¹ развивалась отдельно от испанско-мавританской традиции, хотя в ашкеназских *пшютах* можно обнаружить некоторые следы ее влияния. Как пишет Э. Флейшер, в Ашкеназе вдохновение сочинителей *пшютов* питалось преимущественно национальными бедствиями, и поскольку с давних времен еврейские мудрецы начали причислять к пришедшим на 9-е Ава разрушениям I и II иерусалимских Храмов всё новые и новые трагедии, молитвенные стихи этого дня не только перепевали библейский Плач Иеремии, но и отзывались на недавние события. Возможно, поэтому ламентация (на иврите — *кина*, *ин. ч.* — *киют*) сделалась одним из любимейших жанров ашкеназской литургической поэзии.

С величайшим — и вполне заслуженным — восхищением относились еврейские поэты-литургики Центральной Европы к дивному стихотворению Иегуды Галеви «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен...». Это стихотворение не является пшютом и не было написано для синагогальной службы, но очень скоро получило статус плача на 9-е Ава, и удивления достойно, как быстро принялись поэты подражать ему в своих ламентациях, повторяя его размер, зачин, рифму и трактовку темы. Эти *киют* получили особое название — *сиониды* — по открывающему слову «Сион», и многие из них имели широкое хождение в особых сборниках для чтения в пост 9-го Ава и закрепились в синагогальной традиции евреев-ашкеназов. Как кажется, самая ранняя из этих ашкеназских *сионид* была написана около 1200 года, то есть всего лишь через шестьдесят лет после смерти Иегуды Галеви (Fleisher 1975: 471).

Библиографический указатель ивритских стихотворений, составленный Исраэлем Давидзоном (1870—1939), насчитывает 21 подобную ламентацию, и шесть из них начинаются, как и у Иегуды Галеви, обращением к Сиону отрицательным вопросом: «Сион, ужели не спросишь о...». Сюда можно добавить еще 10 *киют-сионид* с другой рифмой, но с тем же открывающим словом обращением к Сиону. Почти во всех *сионид*х на 9-е Ава акrostих увековечил имя автора, но обстоятельства их написания известны редко. Так, например, р. Авраам

¹ Страной Ашкеназ евреи в Средние века называли области на территории нынешних Германии и Северной Франции.

Галеви сложили стихи о гонениях 1298 года во Франконии и Баварии, р. Исраэль бен Йозель Зулен (возможно, из Франкфурта-на-Майне) описал избиение еврейских общин Германьи в XIV веке, р. Аквива Нейс — страшный пожар, оставивший без крова и имущества жителей еврейских кварталов Познани в 1590 году (см.: Davidson 1930: 321–323). Со временем расширяется география написания этих горестных сионид: к ашкеназским авторам добавляются стихотворцы Италии и Салоник, Польши и западных областей России, а также Йемена и Северной Африки. С началом книгопечатания некоторые книги «Плачей» пополнились параллельными немецкими, идишскими и русскими переводами, что позволило таким сионидам преодолеть границы языка.

Взять, например, девять сионид из литургического сборника «Плачей на Девятое ава» евреев Германьи, Северной Франции и Польши, изданного в Одессе в 1885 году и примечательного параллельными прозаическими переводами на русский язык (см.: Dicker 1885). Как и эталонное стихотворение Иегуды Галеви, каждая сионида представляет собой монорим с грамматической рифмой *aikh*, притяжательным аффиксом, аналогичным местоимению «твой» в отношении субъекта женского рода — горы Сион. Почти все они точно или приблизительно повторяют квадригитативный метр стихотворения Иегуды Галеви, которое чередует долгие (—) и краткие (˘) слоги таким образом:

открывающий полубейт —

— — ˘ — — | ˘ — — | — — ˘ — — | — — /

закрывающий полубейт —

— — ˘ — — | ˘ — — | — — ˘ — — | — — //

В молитвенных сборниках авторы сионид, как правило, не указываются, их воссоздают (там, где это удается) по акростику и сличению текстов с другими рукописями и публикациями. Зачастую, однако, создатели *пшотов* остаются бесплотными духами, даже обретя имя, поскольку мы не можем связать их с известными нам еврейскими персонажами. И все же порой в генеалогии известных раввинов и талмудистов Центральной Европы пытливым глаз исследователя распознает, как в ряде случаев посчастливилось и мне, знакомые прозвания, что позволяет вписать носивших их людей в реальный исторический контекст.

Приводимые ниже *кинот* взяты из канонического молитвослова на 9-е Ава (см.: Кинот 2007), которым ашкеназские евреи пользуются по сей день. Порядок следования стихотворений соответствует ходу литургии.

1. Иегуда Галеви (1075–1141)

«Zion, ha-lo tish'ali li-shlom asiraikh | Dorshei shlomekh, we-hem yeter 'adaraikh...» — «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен, | Не спросишь ты, об остатке твоих племен?»

2. Авраам ге-Хозе (г. е. провидец)

«Zion, kekhi kol tsoni Gil'ad le-tsiraikh | Ein dai le'maan ka-yam gadlu shevaraikh...» — «Сион, возьми весь бальзам гилеадский для мук твоих, — | Не хватит его для разросшихся словно море несчастий твоих!»

Стихотворение начинается с горестной строки, как и положено плачу. Далее следуют панегирик Стране Израиля, которая превосходит все другие страны, и ликующие воспоминания о ее достославном прошлом. Примечательно здесь включение в текст такой постбиблейской реалии, как составление еврейского календаря, приводящего в соответствие солнечный и еврейский лунный годовые циклы:

Твоими мудрецами в точности определен на вечные времена путь небесных светил, луны и солнца; они уравнили их годовое обращение удвоением 12-го месяца. Рождение луны исчислено было соответственно долготе твоей [Страна Израиля] (Dicker 1885: 118).

Поэт завершает ламентацию обвинением: мол, Страна, а точнее ее жители, бунтом против Создателя сама накликала на себя беду и опустошение. Интересно, что переводчик этой сиониды на русский язык переструктурирует ее заключительные строки, дважды повторяя «блажен», и тем самым сблизает произведение — вопреки подлиннику — с концовкой Иегуды Галеви (см.: Ibid. 119).

3. Эльазар бар Моше га-Даршан (г. е. проповедник) из Вюрцбурга. Рабби Эльазар, автор трудов по еврейской эзотерике, был внуком р. Иегуды бен Шмуэля Хасида (1150?–1217), одного из основателей и духовного лидера мистического этического движения, называемого Хасидей Ашкеназ.

«Zion, ateret zevi, simhat hamonaikh | Shalom ke-nahar kehi me'et Adonaikh...» — «Сион, венец красоты, отрада сонмов твоих, | Мир, как поток, прими от Господа твоего...»²

Автор пользуется уже знакомым нам эзоповым языком, называя крестоносцев в Стране Израиля «Эдомом», а мусульман — «Аравом»³. Он переносит почти все мотивы сиониды Иегуды Галеви, но вносит и свою лепту. Это — воспоминания о различных формах высокого еврейского присутствия на утраченной Земле: о священной Храмовой службе в Судный день, о песнопениях левитов, о пророках и мудрецах и 70 старейшинах, вершивших суд в эпоху II Храма. Вся эта активная жизнь пресекается: «Ныне — пустыня, ни сынов, ни дочерей». При описании этих

² Перевод не совпадает с подлинником, поскольку в иврите слово Господь (Элохим) изначально имеет форму множественного числа, а потому строка получает тот же притяжательный аффикс в качестве рифмы, что и у Иегуды Галеви (см. транслитерацию).

³ О распространении этих метонимий в еврейских кругах Германьи свидетельствует ироническое стихотворение Г. Гейне «Эдому»:

Братски терпим мы друг друга	И мою кровью лапки
Уже с очень давних пор:	Ради веры обатрял.
Терпишь ты мое дыханье,	Ныгче дружба наша крепче,
Я — твой бешеный залор.	Нам пора вражду забыть;
	Я, неистовствуя, тоже
Только в мрачные години	На тебя стал походить.
Ты как будто ум терял	

(Публ. по изд.: Яффе 1917: 50. Пер. Д. Минеева)

исторических реалий он опирается на Талмуд, где, например, сказано, что аромат приносимых в Храме жертв разносился из Иерусалима далеко-далеко, достигая даже Перихона (см.: Йома. 39б).

Мы не знаем точно времени написания элегии, но известно, что в XIII веке на территории Германии было истреблено около 140 еврейских общин, в том числе вырезана большая община Вюрцбурга. Видимо, ница прецедента в далеком прошлом, стихотворение увековечивает память о недавнем избиении, а потому особо акцентирует исчезновение людей и поднимает тему воскрешения из мертвых.

4. Вероятно, Ашер [бен Шимон] Коген (т. е. ааронид); жил во второй половине XVI века.

«Zion, tekoneni alei beitekh asher nistraf | Zihri be-merar alei shomemot gefanaikh...» — «Сион, причитай о Храме твоём, который сожжен, | Вспоминай горьким плачем об опустошении вертоградов твоих...»

Это стихотворение изначально подчеркивает связь своей мотивики с плачем Перемни. Тема плача и причитания проходит по нему красной нитью, и примечательно, что к библейскому стиху: «Так говорит Господь: Голос в Раме слышен, причитание, горький плач — Рахель оплакивает детей своих, не хочет утешиться о детях своих, которых [теперь] нет» (Иер. 31: 14) — поэт добавляет собственные строки о плаче других праматерей еврейского народа — Сары и Лей, и даже наложниц Накова — Билги и Зилпы. Не исключено, что автору, вписавшему в эту синагогальную синопиду акrostихом свое имя «Ашер» (бейты 26—29: А-ш-р-К), требовалась буква «швин», которую и предоставило ему слово Сара, тогда как имя Рахель дало ему букву «реш».

5. Автор неизвестен; есть варианты текста с акrostихом: «Яков».

«Zion, yedidut Yedid tsa'ir le-saraikh | Shakhant ketefaw be-gov anwat hadaraikh...» — «Сион, дружбу Друта, у младшего из князей твоих | поселила ты на плечах, в полной скромности великолений твоих...»

Зачин этой песни Сиона, как и в поэзии «золотого века» в мусульманской Испании, разрабатывает национальную проблематику отношений между Богом и еврейми согласно аллегорическому толкованию Песни Песней. Здесь Иерусалимский Храм, построенный на наделе колена Биньямина, младшего из сыновей библейского Якова (Накова), или, словами поэта: «младшего из князей твоих», иносказательно предстает как альков любви между Богом — «Друтом» и Его возлюбленной. Но, в отличие от подобных стихов (см. о стихах *reshut* статью «Певец Сиона рабби Иегуда Галеви» в наст. изд., с. 194 и сл.), здесь под возлюбленной понимается не собирательный образ народа Израэля, а его Страна, ее земное пространство и земная история, неотрывная от Божественного присутствия. Содержание этой синопиды вполне отвечает канону, сочетая грустные и оптимистические картины, утешение и надежду. Однако поэт расцвел ее новыми мотивами, например, вспомнил предание о том, что во время потопа лишь место, предназначенное для Страны Израэля, не скрылось под водою и шело, словно райские кущи, а также что во время правления царя Ирода Господь благоволил к народу и дожди в Сионе выпадали только ночами (см.: Сифра Бе-хукотай. 1: 1). Он тоже щедро украсил свою lamentацию омонимиями и внутренними рифмами.

6. Рабби Меир, сын рабби Баруха из Ротенбурга.

«Sha'ali, serufa be-esh li-shlom avalaikh | Ha-mit'awim shekon ba-hatsar zevulaikh...» — «Спроси [Тора], спаленная огнем, о скорбящих твоих, | Вождедеющих обитать во дворе Храмовых приделов твоих...»

Автор этой элегии рабби Меир бен Барух (акроним — Махарам; ок. 1215, Вормс, — 1293, Энсисхейм, Эльзас) был виднейшим знатоком и комментатором Талмуда из круга так называемых тосафистов. В 1244 году в Париже он стал свидетелем публичного сожжения свитков Торы и Талмуда, о чем и сложил свою lamentацию. Поэт обращается к Торе, истинное место которой в Храме, в Иерусалиме. Тора здесь понимается в расширительном смысле как вероучение, важнейшей частью которого является Талмуд, так называемая Устная Тора. Рабби Меир строит образность стихотворения на оппозиции «свет (огонь) — тьма (мрак изгнания)». Так, например, при зареве кощунственного костра евреи, и автор в их числе, ощущают себя путниками, потерявшими возможность отыскать верный путь во мраке ситуации. Но хотя роль главного злодея в этой элегии досталась огню, поэт жаждет света и, как и Галеви, завершает свое сочинение радужной надеждой на «счастливые дни, когда Сам Господь озарит тебя [Сион] Своим блеском <...> и мрак, окружающий тебя, исчезнет навеки» (Dicker 1885: 133).

Эмоциональное воздействие плача достигается якобы парадоксальными картинами и желаниями: обильные слезы, текущие по щекам автора, иссушают его лицо; он хочет ощутить на себе оковы, крепко связывающие его с Сионом; в огне разведенного людьми костра исчезают свитки того самого Учения, дарованного Богом озарялось небесными огнями. Но не только сжигание Торы оплакивает р. Меир — он скорбит об убиенных мужчинах и женщинах, которые прежде пели, ликуя, святые песнопения. Он жалуется, что остался в одиночестве, и призывает двинуться в путь, подальше от обезлюдевших мест, однако не в Страну Израэля. Хотя вслед за Галеви р. Меир пишет о том, что даже руины утраченного Храма желанны: «о прахе его вождедеют страждущие, потрясенные видом костра из свитков твоих», в нем нет дерзновенного подвижничества Иегуды Галеви. Рабби Меир бен Барух верен религиозной традиции: он ждет от Бога избавления, рисуя радужные картины явления Дщери Сиона в праздничных украшениях с веселым тимпаном в руках. Автор вспоминает мидраш о том, что гора Синай, отнюдь не самая высокая из окрестных гор, не возгордилась и не вознеслась после того, как Господь избрал ее для ниспослания Откровения, и аналогичным образом утешенная вера иудеев непременно воспринимет и удостоится подобающего ей величия.

Об авторе нам известно, что по возвращении в Германию он поселился в Ротенбурге. Последние годы жизни этот духовный вождь ашкеназского еврейства провел в тюрьме, куда был заключен королем Рудольфом I Габсбургом за то, что звал евреев покинуть пределы королевства в знак протеста против тяжелейших экономических санкций. Стихотворение р. Меира свидетельствует о хорошем знакомстве с поэзией Иегуды Галеви и варьирует мотивы не одной, а разных его синопид.

7. Меир, сын Эльазара га-Даршана (автора 3-й синопиды в этом списке), правнук р. Иегуды Хасида, жил в XIII веке.

«Zion, tsefirat pe'er, hadwat agudaikh, | Za'aki be-rama be-kolekh al avudaikh...» — «Сион, заря великолетия, отрада с тобою объединенных, | возопи в Рама⁴ в голос об утраченных твоих...»

Эта сионида тоже использует любовную аллгорию Песни Песней в мотивах охлаждения и сближения между любящими супругами. Существенно, что тут речь идет о браке между Страной Израйля и Творцом Вселенной, и брак этот еще не расторгнут, а потому даже в размолвке сохраняется возможность повернуть вспять и наладить совместную жизнь. Автор призывает Сион — «Возлюбленную Бога» — напомнить Супругу о чудных детях, которых она подарила Ему в прошлом и которых лишилась теперь. Более того, автор называет Сион «беременной», которая, в отличие от положенного девятимесячного срока, веками не может разродиться, то есть заселить свои пространства евреями. Примечательно, что р. Меир бен Элазар советует разрушенному Иерусалиму обратиться за помощью к Иерусалиму Небесному, стоящему в полной красе своих зданий. Поэт пространно жалуется на свои страдания, проливая потоки слез на чужбине и сетуя, что не имеет возможности принести жертвы в Храм. В полном согласии с каноном ламентации заказывается картинами воскресшего Сиона в духе ветхозаветной эсхатологии и талмудических представлений. Иудеи вернутся в свою страну, и Бог передаст им хранившиеся у Него ключи от четырех затворов: ключ дождей, ключ жизни, ключ пропитания и ключ воскресения из мертвых (см.: Таанит. 2а).

Двойной (на каждую букву отведено два бейта) алфавитный акростих завершается акростихом подписью «Меир хазак»⁵, тоже с удвоением каждой буквы.

8. Йосеф бар Хаим га-Коген (г. е. ааронид, сын Хаима). Алфавитный акростих завершается подписью: «Йосеф».

«Zion, ba-mishpat lekhi lakh im me'onenaikh | Hit'ukh be-kazav we-lo gilv awonaikh...» — «Сион, на суд иди [и призови к ответу] мучителей твоих, | [Которые] ввели тебя в заблуждение и не открыли прегрешений твоих...»

Этот автор начиняет с обращенного к еврейским вождям упрека: почему они попустили прегрешениям вверенного им народа, вовремя не ругали и не наставляли его на истинный путь? А следующий его упрек — народу: почему он не слушал тех пророков и благочестивых учителей, которые пеняли ему за отступничество от Святого Учения? Как большинство ашкеназских авторов, р. Йосеф бар Хаим тоже включает в сиониду талмудические предания. Поскольку его прежде всего волнует тема преступления и наказания евреев, он вспоминает рассказ о том, что еще за сорок лет до разрушения II Храма его двери самопроизвольно открылись, а святилище стало затухать — знамение, звавшее евреев к покаянию; однако покаяния не было, и Храм пал (см.: Йома. 39б). Примечательно использование мотива морской бури по образцу Иегуды Галеви, но в метафорическом плане — как «моря бедствий», постигших еврейский народ во время римского на-

⁴ Здесь непередаваемая игра слов: ивритское «бе-рама» можно прочесть и как «в Рама», т. е. как намек на цитированный уже стих из Иеремии (см.: Иер. 31: 14), и как «громко».

⁵ Хазак (*israt*) — крепиться; в средневековых *пютах* часто добавлялось к акростиху с именем сочинителя.

шествия. В остальном — в перечислении достославных топонимов и в описании грядущей зари — р. Йосеф бар Хаим следует канону и, принадлежа священническому роду коэнов, завершает свою сиониду картиной деятельного служения ааронидов в возрожденном Иерусалиме.

9. Неизвестный автор

«Zion, geveret le-mamlekhoh me-ziraikh | Rubi, shlomim s'i me-et asiraikh...» — «Сион, госпожа царств, из мук своих | Воспрянь, жертвы мирные вознеси от узников твоих».

Эту сиониду смело можно назвать лирическим стихотворением, настолько ярко здесь присутствие авторского «я»: сердце поэта сжимается от боли и страдания, он трепещет от ужаса при виде униженной некогда цветущей и достославной страны, его плоть словно отравлена при мысли о том дне, когда Господь проклял и разрушил Свое Святилище. Автор заклинает нас изумиться, пережить восторг и горе, испытать богатую гамму чувств, внимая череде перечисляемых им картин. И неудивительно, что заключает он свою сиониду тоже в первом лице: «Возрадуюсь, возмую в тот день, что услышу глас провозвестника [Исбавления]! Вождество мира и благополучие для плененных тобою!»

10. Неизвестный автор

«Ali, Zion ve-areiha, | Kemo isha be-zireiha...» — «Вопи, Сион и города его, | Как женщина в родовых муках своих...»

Этот плач не соблюдает размера сиониды Иегуды Галеви, хотя пользуется квантитативным метром «золотого века». Алфавитный акростих вынудил автора сместить слово «Сион» на второе место, сохранив форму прямого обращения. В целом стихотворение не представляет особой эстетической ценности: те же гиперболы в описании бедствий, взятые из Плача Иеремии, те же противопоставления блеска и величия упадку и бессилию.

Напомним, что ламентации составляют лишь одно своеобразное направление в развитии жанра сионид. Эти «песни Сиона» самим характером литургического назначения задают трагическую тональность в развитии темы, хотя, повторяю, все авторы так или иначе выражают надежду на избавление и перемежают картины, вводящие в отчаяние, с картинами, заставляющими ликовать и испытывать национальную гордость. Интересно, что даже в такое не столь отдаленное время, как 1852 год, первый деятель еврейского Просвещения в России Исаак Бер Левинзон (1788–1860), написал на иврите свой «Плач на 9-е Ава», где продолжил традицию синагогальных сионид (см.: Levinsohn 1888). Поэтическая ситуация стихотворения Левинзона — видение Земли Обетованной в полуночном сне, где руины и запустение волшебным образом сменяются цветением, а рассеянные по миру сыны Израйлевы радостно стекаются к Сиону, — тоже заимствована у Иегуды Галеви. Вслед за стихотворением «О Боже, как Твой дом узреть приятно» из «Песней Сиона» многие сиониды используют мотив сна или мистического видения. «Плач» Левинзона завершается еще одним знакомым мотивом (здесь и далее перевожу буквально): «кто даст мне крылья — | и я быстро полечу к твоим горам, | не так буду ходить, удрученный, | припаду к твоим развалинам». Но и этот автор не

предполагает воссоединения с реальным Сионом, а продолжает традицию ритуализованной еврейской скорби по утраченной родине.

Ренессанс сиониды в светской поэзии наблюдается в эпоху еврейского септиментализма. Сущность септимальной поэзии, как указывал Шиллер, заключена в «противопоставлении <...> идеала действительности» (Шиллер 1957: 421), что на практике оборачивается предпочтением идеала действительности. В этом определении — ключ к пониманию сиониды палестинофильского периода, наступившего в 1881 году после погромов в России и краха иллюзий еврейских просветителей об интеграции евреев в нееврейское общество.

Ирчайшей иллюстрацией к сказанному могут послужить два напечатанных рядом стихотворения Менахема Менцла Долицкого (1856–1931), ключевой фигуры в ивритской палестинофильской поэзии (см.: Dolitzky 1887). Первое, «На сионских развалинах», рассказывает о чудесном полночном сне, в котором на крыльях поэтического вдохновения поэт перенесся в Страну Израиля. В начале стихотворения Долицкий описывает эту страну на основе книжных представлений, с помощью вполне предсказуемых оппозиций: «К Сиону седому — и юному, увядшему — и как кедр свежому <...> | мрачному — и светящемуся, как луна». Переходом от умозрительного образа к реальному служат слова: «С ним связано узами [букв.: канатами — ba avutim] мое сердце», явно напоминающие об «узниках Сиона» Иегуды Галеви. Оказавшись в Сионе, поэт переходит к описанию «красоты, которую встречает» — и это сплошь запустение, вой шакалов, плач филинов и прочий антураж руин, каким он унаследован из библейской и талмудической традиции. Заканчивают стихотворение покаянные слова Бога: «Горе Мне, что Я разрушил Свой дом и утнул Своих сынов в изгнание!», тоже взятые из талмудического предания (см.: Брахот. 3).

Второе стихотворение в этой публикации называется «Я полюбил тебя» и развивается как лирическое: сначала любовные признания, потом описание возлюбленной, тоже данное в оппозициях: «Тебя, любимую, тебя, забуду», «ты — мое горе, ты — моя радость» и т. п. И лишь в 19-й строке читатель вдруг вынужден откорректировать свое восприятие: «Ты — страна красивых песен, | Страна плодов и цветов. | Среди вечной природы | Ты — вечная весна». Оказывается, перед нами не образец любовной лирики, а «песнь Сиона», и средние строфы ее суть не что иное, как подражание Иегуде Галеви в гиперболизированном восхвалении природных свойств Страны Израилевой: «Всякое дерево в тебе — Древо жизни, всякая трава — бальзам на любую рану». Но Долицкий вносит и свои оригинальные образы и мотивы, например, Страна Израилева для Бога — «красивый свиток, Божественные рисунки, чудные песни, а буквы в нем — мы сами». Вместе эти стихотворения Долицкого показывают, что сиониды лелеют мечту и усыпляют сомнение разумом, тогда как разум не нуждается в сиониде, поскольку поверяет себя реальностью, а реальность известна. И еще: сиониды пишется вдали от Сиона, подобно тому, как пушкинский «рыцарь бедный» служит Вечной Деве, даже не предполагая о реальном с ней единении.

Варианты других строк из «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен...» Галеви находим в стихотворении «Заветные мысли» того же 1887 года, написанном на

иврите Аароном Мирским (см.: Mirsky 1837). Перевожу дословно: «Обниму твой прах, твои камни мне в радость, | На руинах твоих тебя оплачу, ищущую земли твоей комья». Юный поэт признается, что его душу сидят одна, но пламенная, «сильная, как смерть», страсть: «Лететь к тебе, моя отчизна, | и забыть страданья, | страхнуть с себя печаль». Похожих стихотворений на иврите в последние два десятилетия XIX века встречается немало (см.: Kartun-Blum 1911), что позволяет заключить: в те годы сиониды как жанр позволила стыдливым иудеям писать любовную лирику со всем пылом юного чувства, не преступая границ скромности, установленных еврейской религиозной традицией. Не следует забывать, что еврейская беллетристика находилась еще на сравнительно ранней стадии развития, и среди ее авторов и читателей как раз велась полемика относительно правомерности разработки сердечных тем, способных ввести благонамеренного еврея в краску. О том, насколько зыбкой была граница между благонамеренным евреем и краску. О любви к Стране и к девушке, сказал много позже, в сентябре 1918 года, автор сионид на русском языке Лейб Яффе (1875–1948). В его стихотворении «Еврей-Израиль» (т. е. «Страна Израиля»), написанном за несколько недель до того, как Яффе покинул Россию с намерением переехать в Палестину, есть такие строки:

Тебе, страна моя родная,
Порывы юношеских сил,
В восторге творческом рывая,
Я безраздельно приносил.

Тоской и радостью томимый,
К мечте далекой взор воздев,
Тебе, не женщине любимой,
Сложил я первый свой напев.
(Публ. по изд.: Яффе 1938: 44)

Не исключено, что под «первым напевом» понимается здесь раннее, появившееся в печати в 1892 году, стихотворение Яффе «Сион. Элегия на 9-ое Аба (Подражание Иегуде Галеви)» (см. в наст. изд. с. 52–54).

А вот еще характерный пример, подтверждающий мой тезис о совмещении еврейских стихов о любви к прекрасной даме со стихами о Сионе. В 1897 году в России видный еврейский литератор, просветитель и палестинофил Моше Лейб Лилленблум (1843–1910) резко выступил против еврейской любовной лирики как таковой, черпая аргументы для своей писаревщины из высказываний тамудистов. Приведу выдержки из его статьи в переводе с иврита:

Но разве в самом деле должны мы заимствовать у других все, как оно есть? У нас ведь никогда не было культа женщины, и рыцарей и вестников у нас тоже не было. Любви мы воздавали не больше почтения, чем любому другому человеческому ощущению, например, голоду и т. п., или любви к детям. Выходит, веческому ощущению, например, голоду и т. п., или любви к детям. Выходит, стихи о любви, о лазоревых глазках, о взлохах — не что иное, как частное дело

частного лица, и им нет места в литературе для всех <...>. Мы и от стихов, которые пишем, должны требовать пользы, требовать какой-то идеи, которая послужила бы народу. Нам нет нужды уподобляться наивным пастухам библейских времен, распевавшим любовные песенки (Lilienblum 1897: 18–19).

Однако двадцатью годами раньше тот же строгий дидактик опубликовал автобиографический роман «Грехи молодости», где поместил стихотворение «Вздохи влюбленного» (см.: Lilienblum 1964: 345–347). Оно, как и вся книга, посвящено Фейге Навахович, причем автор сопроводил стихи пометой: «При виде лица той, что пленила для сионид, и к уже упомянутому пушкинскому «Бедный рыцарь» («Он имел одно виденье, непостижное уму...»). Стихотворение Лилиенблома пространно и чувствительно рассказывает о том, как облик девушки, представший в чудном ночном видении, затмевает и все убогие дневные занятия влюбленного героя, и даже свет солнца. Не обошлось и без мотива из Песни Песней: этот облик «на сердце моем отпечатан, как печать, и Божьим резцом выравнен на его стенках». Поэт изливает любовную тоску в образах, типичных для сиониды, в том числе перефразируя библейские словосочетания по образцу «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен...», что опять-таки указывает на сходство риторики и образности «песни Сиона» и любовной лирики. Если из стихотворения Лилиенблома выбросить отдельные строки, его можно было бы считать за сиониду.

Характеризуя жанровое своеобразие «песней Сиона», необходимо сделать важную оговорку: под «сионидами», «песнями Сиона» и т. п. на всех языках обильно публиковались стихи, которые в строгом смысле слова сионидами не являются. Это стихи, оплакивающие горькую участь еврейского народа-скитальца, а также о светлых и гордых страницах национальной истории. Несмотря на авторские или редакторские ремарки, помечающие такие стихи как «песни Сиона», я отношу их к разряду «еврейских мелодий», как у Байрона, Гейне и многих других, поскольку они не соотносятся со структурой и отмеченными выше особенностями сионид⁶.

Но вернемся к главной «песне Сиона» — «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен...». Ее популярности сильно способствовали переводы на иностранные языки, которых набралось так много, что израильский исследователь еврейской средневековой поэзии Хаим Ширман (1904–1981) посвятил им отдельную статью

⁶ В связи с этим заслуживает внимания стихотворение «Желание» (1831) русского поэта и переводчика «еврейских мелодий» М.Ю. Лермонтова, которое следовало бы причислить к сионидам, да только рассказывает оно о стремлении не в Сион, а в Шотландию, которую поэт считал своей прародиной. Я не имею никаких данных о знакомстве Лермонтова с поэзией Иегуды Галеви, но его интерес к еврейской национальной тематике отразился и в юношеской драме «Испанцы», и в переложениях из Байрона. Биографы сообщают, что другом воспитывавшей поэта бабушки, Е.А. Арсеньевой, был домашний врач, французский еврей по имени Леви (см.: Мануйлов 1999: 241). Как бы то ни было, сход-

(см.: Shirman 1938b). Его список насчитывает 56 прозаических и поэтических переводов: 6 — на идиш (с 1698 г.), 17 — на немецкий (с 1755 г.), 5 — на французский (с 1789 г.), 8 — на английский (с 1835 г.), 4 — на итальянский (с 1865 г.), 3 — на голландский (с 1868 г.), 7 — на венгерский (с 1884 г.), а также 4 перевода на русский (с 1881 г.) и 2 — на испанский (с 1932 г.). На сегодня число переводов этой сиониды значительно возросло. Неоднократно перелажались с иврита и другие «песни Сиона» Иегуды Галеви.

Особого внимания заслуживает первый перевод сиониды «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен...» на немецкий язык. Он был сделан отцом еврейского Просвещения Мозесом Мендельсоном (1729–1786) и впервые опубликован в 1755 году в альманахе Майера «Beschäftigungen des Geistes und des Herzens», т. е. «Занятия ума и сердца». Так сионид Иегуды Галеви стала доступна читателям в нееврейском мире. Первый перевод был прозаическим и неполным. В более поздних редакциях Мендельсон дополнил его и уточнил. Благодаря многократно перепечатанному немецкому переводу Мендельсона сионид Иегуды Галеви получила широкое хождение как сутобо поэтический национальный шедевр, вне связи с 9-м Ава. Историкографы еврейской литературы любят напомнить, что И.-В. Гёте был очарован этим стихотворением Иегуды Галеви⁷. Как бы то ни было, в 1778 году, во время недолгого пребывания в Берлине, Гёте нанес визит еврейскому просветителю (см.: Altmann 1973: 595).

Для истории жанра сиониды важно, что знаменитая песня Мипьоны («Kennst du das Land») из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) была творчески освоена еврейской палестинофильской поэзией. Стихотворение, открывающееся вопросом «Ты знаешь край?..», не называет возжеленной страны. Вильгельм Мейстер в романе предполагает, что это Италия, но евреи решили

ство тематики и мотивики стихотворения «Желание» с «Песнями Сиона» столь разительно, что стоит привести его целиком:

Зачем я не птица, не ворон степной, Пролетевший сейчас надо мной? Зачем не могу в небесах я парить И одну лишь свободу любить?	И арфы шотландской струну бы задел, И по сводам бы звук полетел; Внимаем одним, и одним пробужден, Как раздался, так смолкнул бы он.
На запад, на запад помчался бы я, Где цветут моих предков поля, Где в замке пусто, на туманных горах, Их забвенный покоится прах.	Но тщетны мечты, бесплезны молбы Против строгих законов судьбы. Меж мной и холмами отчизны моей Расстилаются волны морей.
На древней стене их наследственный щит И заржавленный меч их висит. Я стал бы летать над мечом и щитом, И смахнул бы я пыль с них крылом;	Последний потомок отважных бойцов Увядает среди чуждых снегов; Я здесь был рожден, но нездешний душой... О! зачем я не ворон степной?..

⁷ В XX в. так делает, напр., И. Клаузер в своей многотомной «Истории ивритской литературы» и ссылается на кн.: *Kaysertling M. Moses Mendelssohn, sein Leben und Wirken*. 2. Aufl. Leipzig, 1888.

шаме. В самом деле, какой еврей не знал края, «где растут апельсини...», «где лимонные рощи шестут...», «где мирт и лавр растут...»⁸ (Жирмунский 1982: 498)

По образцу «Мишюны» на иврите было создано несколько сионид. Самой ранней из них, видимо, можно считать публицистическое стихотворение Моше Давида Дашигера, написанное в годину бедствий, когда по юго-западным и южным губерниям Российской империи катилась волна погромов, начавшихся на Песах 1881 года и то стихавших, то вновь вспыхивавших в течение почти трех лет. Автор спрашивает: куда податься еврею, когда вокруг не прекращается избиение? Перебирая варианты возможных мест переселения еврейского народа: «Гишпавия», Америка, Страна Израиля, — автор не задумываясь отдает предпочтение последней. Дашигер, назвавший свое стихотворение «Ивритская Мишюна», написал его в Песах (10 нисана) 1882 года в Одессе, а опубликовал за границей, в Лемберге (Львов) (см.: Danziger 1882). Его «Ивритская Мишюна» состоит из трех шестистиший, и каждое открывается вопросом: «Ты знаешь ли землю?...»⁹ Несомненно, автор строил свой расчет на том, что нарисованные Гёте и оставшиеся вне ивритского текста волшебные картины экзотической восточной страны добавят прелести его рифмованному сионистскому воззванию. Словно приняв эста-

⁸ Примечательно, что композиция и просодия гётевской «Мишюны» были воспроизведены А.К. Толстым в стихотворении «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», произведенном тоской по утраченной родине, каковой в данном случае выступает Украина. Напомним, что поэт был правнуком последнего гетмана Украины гр. К.Г. Разумовского.

⁹ В моем переводе на русский «Ивритская Мишюна» выглядит так (к сожалению, качество перевода не сильно отличается от качества подлинника, который представляет лишь исторический интерес):

Ты знаешь ли землю Гишпавия, друг мой?
Страну, где церковники злобы и люты?
С тех дней, что снов твоих смертью казила,
А прочих изгнавши, ворами клеимила,
Там тучи, как прежде, все в сумрак одели —
Туда чтоб идти, мн, народ мой, не смели!

Ты знаешь ли землю Америки гордой,
Где разума свет и народы свободны?
Там место шатрам есть и детям приют —
На воле, в покое они отдохнут.

И все же там сердце смущает сомнение —
А вдруг на народ мой начнется гонение?

Ты знаешь ли Землю Израиля, брат мой,
Что рано подобна, тучна и богата?
Там, в уделе отцов, свой покой обретешь ты
Ту землю вскопаешь и потом пожнешь ты.
Лишь там, мой народ, тебя ждет избавление,
Туда взойдем, братья, в порыве сплочения!

фету у Иегуды Галеви, Дашигер, не обладая талантом великого предшественника, сначала напрямую обратился к читателю. В небольшой преембле к стихам он сказал, что бедствия не прекращаются и назрела необходимость нового Исхода, а потом предложил свою «песнь Сиона».

По образцу «Мишюны» была создана и куда более поэтичная сионида казенного раввина в Риге, просветителя, поэта и переводчика русской поэзии на иврит Аарона Элиягу Пумпянского (1835—1893). Поэт назвал ее традиционным комплиментарным эпитетом Страны Израилевой «Eretz Ha-Zvi» (см.: Pumptiansky 1886), смысл которого многозначен: это — «Оленья страна», а также «прекрасная» и «желанная страна». Стихотворение состоит из одиннадцати четверостиший, и каждое представляет развернутый вопрос, открывающийся обращением к коллективному адресату: «Вы знаете ль край, где...», а первая строфа попросту перелагает Гёте (перевожу дословно):

Вы знаете ль край, где гранат расцветает,
Цитрона плоды где на ветках сияют,
Где ветерок синь небес обвеваёт,
Где пальма и мирт кверху ветви вздевают?

Следуя примеру Иегуды Галеви, Пумпянский перечисляет чудесные свойства Страны Израиля и некоторые вехи еврейской истории библейского периода — от Авраама до изгнания. В заключение он напоминает о том, что все чаяния народа, вся тоска его души устремлены к Стране, где «старятся корни нашей святости», а также о том, что Страна «не забыла своих сыновей, она соберет их и *перенесет к себе на своих крыльях* в дни Мессии из дома Давидова» (курсив мой).

Сионида Пумпянского полюбилась евреям, была положена на музыку и стала лирическим сионистским гимном. Любопытно свидетельство видного еврейского публициста конца XIX — начала XX века, писавшего под псевдонимом Ахад Гаам. Ахад Гаам (наст. имя — Ушер Гирш Гинцберг, 1856—1927) спорил с сионистами и призывал их готовиться к условиям Страны Израиля и к сельскому труду еще у себя на родине, а уж потом ехать в Палестину. Он не раз бывал там и видел, какими беспомощными оказывались в новых местах сионистские утописты. В одном из очерков, названием которого Ахад Гаам избрал строку Пумпянского «Вы знаете ль край...», находим типичную сценку из еврейской жизни в царской России 80—90-х годов XIX века (перевод с иврита мой):

Как-то раз довелось мне попасть в еврейскую школу на «праздник» и воочию наблюдать «чудеса», обещанные нам старшим учителем: мальчиши и девчонки немного овладели ивритом, знают кое-что из национальной истории и тому подобное. «Гвоздем программы» того вечера стала, без сомнения, «сионида», которую пропела на иврите ученица 12-го класса. Песня та начиналась словами «Вы знаете ль край, где...», и эти слова, повторившиеся в начале каждого куплета, особенно старалась выделывать интонацией и спеть погромче юная артистка, а все присутствующие — почти все местные палестинифилы — были растроганы, и в них возпламенилась любовь к Сиону. Лишь их озирали и сияли истинно возвы-

шенным ликованием... И ни один из них не услышал в этих словах иронии и насмешки над его доморощенным палестинофильством (Ahad Haam 1904: 16).

Речь, как видно, идет о светской школе типа тех, что учреждала на западе империи организация «Тарбут» («Культура»), где многие учителя и в самом деле были проникнуты сионистским духом. Для понимания специфики «песен Сиона» здесь важно то, что публицист немедленно заметил зияющую пропасть между словами сиониды А.Э. Пумпянского и реальными практическими знаниями природных и политических условий желанной страны.

Однако сочинение Пумпянского не зря вызывало восхищение еврейских любителей изящной словесности. Поэт младшего по отношению к Пумпянскому поколения, переводчик мировой поэзии на иврит Шауль Черниховский (1875–1913) вспоминал, какое чарующее впечатление эта сионидка произвела на него в детстве, как он распевал ее и мечтал, когда вырастет, сочинять такие же стихи (см.: Tschernihovsky 1918: 102). Слово в память о той детской мечте он создал свою особенную, тропную скепсисом сиониду, две первые строфы которой начинаются словами: «Говорят, страна есть...». Там есть такие строки (перевожу дословно):

Говорят, страна есть,
Край, омывтый солнцем.
Где страна такая,
Где же это солнце? <...>

Край, где станут явью
Все мечты и грезы.
Где страна такая
И где ее росы? <...>

Кто укажет путь мне,
Кто дорогу скажет?..

Характерно, что стихотворение написано в 1923 году в Берлине, еще до посещения автором Палестины в 1925 году. В отличие от наследующих Иегуде Галеви сионид, строки Черниховского проникнуты иным мироощущением: здесь нет ни Бога, ни Библии, зато осмысливается идея практического сионизма. Поэтому теперь Сион — это чудесная страна, где, приветствуя друг друга при встрече, люди излучают свет и тепло. Однако поэт сомневается в том, что она существует, и задается вопросом, почему мы до сих пор туда не попали. Это стихотворение, но в новой, оптимистической версии, утверждавшей осуществление сионистского проекта, стало благодаря музыке Юлия Энгеля популярной песней.

На музыку, начиная с последней четверти XIX века, были положены многие сиониды — их пели евреи, воодушевленные идеей своего национального возрождения. Это жемчужины палестинофильской поэзии — «Если я забуду...» (1888) М.М. Долшко, «Стремление души» (1886) Мордехая Цви Мане (1859–1887) и переведенное с немецкого на иврит и неизменно публиковавшееся в сионистских песенниках стихотворение Фельда «Dort wo die Zeder», которое объединило струк-

турные элементы гётевской «Миньоны» с мотивикой Иегуды Галеви (см. русские переводы этих стихотворений в разделе «Дополнения» в наст. изд.). Любопытно, что зачин «Миньоны» использовался не только в стихах, но и в названиях книг, описывающих Страну Израиля (см.: Ha-Cohen 2000).

Подытоживая исторический очерк о «Песнях Сиона», хочу четче обозначить основные вехи в развитии жанра. В XII веке Иегуда Галеви создал несколько стихотворений, которые заложили основание нового поэтического канона, называемого сионидой. Вопреки положительному эмоциональному балансу его главной сиониды «Сион, ужели о верных, кто тобой пленен, | Не спросишь ты, об остатке твоих племен?», где подавляющее большинство бейтов проникнуто гордостью и надеждой и лишь немногие омочены слезами, это произведение почти сразу было канонизировано как литургический «плач». Включение стихотворения в синагогальную службу гарантировало ему долгую жизнь в национальной памяти, даже среди тех, кто не был знаком с поэзией еврейского «золотого века» в средневековой Испании. Эта канонизация, а также удивительная проникновенность стихов Галеви привели к перепадам и подражаниям: главная «песнь Сиона» стала поэтическим образцом, который в течение нескольких столетий помогал евреям пресуществлять рассказ о горестях и бедствиях в мечту об Избавлении и сладостную ностальгию. Так появилась всегда узнаваемая и веками пополюющаяся сокровищница синагогальной поэзии, где «песнь Сиона» воспринималась как lamentация.

С началом эпохи Просвещения и выходом ивритской поэзии за рамки литургии во второй половине XIX века появились несинагогальные «плачи» на 9-е Ава, такие, как сочиненные на иврите Исааком Бером Левинзоном и по-русски Лейбом Яффе.

В XIX веке евреи приступили к созданию секулярной литературы. Святой язык постепенно становится еще и языком национальным, и после длительного латентного периода «песни Сиона» получают развитие в светской поэзии запоздалого еврейского сентиментализма. Сионидка позволила удачно согласовать эмоциональную доминанту сентименталистской поэтики в европейской поэзии с традиционной еврейской мечтой о возвращении в Страну Израиля. Поэты из круга палестинофилов приглянулись писать сиониды, варьируя заданные Иегудой Галеви мотивы и добавляя к ним собственные новации и традиционно еврейские аллюзии. Они видели возделанную землю в мечтах и сновидениях, черпая из Библии подробности для описания ее ландшафта. Но если Иегуда Галеви создал большинство своих «песней Сиона» в преклонном возрасте, убежденный в тщете мирской суеты и плотских желаний, поэты Новейшего времени были по преимуществу молодые, и бурление их юной крови превратило сиониду в своего рода любовную песнь. Молодость новой литературы на стремительно обновлявшемся иврите, молодость пишущих и популярность идеи возрождения Сиона привели к тому, что маргинальный жанр сиониды сделался одним из магистральных (см.: Kartsh-Vlum 1969).

Параллельно с эволюцией на иврите «песни Сиона» раздвинули языковые границы — сначала в переводах, а затем в подражаниях и самостоятельных новых произведениях на идише, русском и, в малой степени, английском и немецком языках. Как сказал по-русски Лейб Яффе:

Приложения

Свободной мы жаждали жизни,
Но пели в неволе, в цепях,
По древней томилась отчизне
И плакали в чуждых краях.

Язык мы любили, взращенный
Свободой и славой былой,
Но новые песни Сиона
В язык облекали чужой...

(Публ. по изд.: Яффе 1917:
210–211)

Ясно, что на протяжении семи десятилетий (1850–1920 гг.) небогослужбная сионизма не смогла бы просуществовать на достойном художественном уровне без внешней поддержки. И в последней четверти XIX века такой поддержкой стало стихотворение Гёте «Мивцона» — как благодаря созвучной еврею образности, так и из-за обилия его переводов на русский язык, что повышало статус стихотворения в глазах еврейских поэтов и заново привлекало читательское внимание к гётевскому тексту.

Когда палестинофильское движение уступило место сионизму и освоению евреями реальной Страны Израиля, сионизма исчерпала себя: она перестала адекватно выражать чувства читателей, да и сентиментализм был вытеснен иными литературными эстетиками. Как смущенно признал посетивший в 1911 году Палестину С.И. Маршак (выделено мною):

Меня встречает гул знакомый,
На площадях обычный торг
Ведет толпа. Она здесь дома —
И чужд ей путника восторг.

(Публ. по изд.: Маршак 1922:
175)¹⁰.

На смену сионизму пришли многочисленные стихотворения о непосредственном восприятии Страны Израилевой, которые могли бы составить увесистый том под названием «Палестинский альбом», как значилось на обложке тонкой книжечки русских стихов поэтессы Зинаиды Вейншал (1900–1990), поселившейся в Хайфе (см.: Вейншал 1929). Но это уже тема для другого исследования.

¹⁰ Здесь уместно привести выдержку из биографической статьи о Маршаке: «Не многим сегодня известно, вспоминает еврейский поэт Арон Вергелис, что Маршак начал с маленькой книжечки «Сионизм». Еще молодым паренком написал он ее. Я принес ему как-то эту книжечку и сказал: «Вот ваша первая книжечка». Он был до крайности озабочен: «Голубчик, ну жели я не все увидитожил?..» (Гейзер 1999: 13).

Зоя Копельман

Иегуда Галеви в переводах и в произведениях других авторов

В этом очерке я попытаюсь отдельными штрихами наметить место Иегуды Галеви и его творчества в мировой культуре, еврейской и нееврейской, покажу, как в разных странах и в разные времена появлялись переводы его стихов, посвященные ему труды ученых и книги популяризаторов, а также представлю некоторые связанные с нашим поэтом художественные произведения.

В национальном сознании евреев Иегуда Галеви запечатлелся как несравненный поэт и истый иудей, и неудивительно, что о нем слагали стихи и поэмы. Изящной словесности первым о Галеви упоминает ивритский поэт и переводчик Иегуда бен Шломо Альхаризи (1170–1235), известный своими макамами. Макама пришла в иврит от арабов, это увлекательное сочинение с прихотливым сюжетом, где фрагменты рифмованной прозы перемежаются с тематически близкими им стихами. В своей книге «Тахкемони» («Ты умудряешь меня», после 1226 ставшей памятником средневековой еврейской литературы, Альхаризи посвятил Иегуде Галеви отдельную макаму:¹

А стихи, что сложил левит рабби Йегуда — | литой и витой венок, коим поэзия
горда, | они — на шее ее рубинов чреда. | Для дома поэзии — правый столп с
поэт, | в племени мудрых мудрее его нет, | он одержал множество побед, | с
великанам копьем грозил | и сильных мужей поэзии поразил. | И все песни е
сердца мудрецов в трепет ввергали, | и пред ним почти почта лишился Асаф,
длани Йедутуна не помогали, | и песни, что сложили Кореевы сыны², | были
важны. | Он вошел в сокровищницу поэзии и в самые потайные из ее палат, |

¹ Альхаризи. Тахкемони. Макама 3. Перевод с иврита Ш. Крапа (публикуется впервые). Фрагмент этой макамы Г. Гейне поместил в «Заметки» к своему циклу «Романсеро».

² Асаф, Йедутун, Кореевы сыны (на иврите — сыновья Кораха; см.: Исх. 6) библейские левиты-псалмопевцы; под «песнями» здесь имеются в виду псалмы Асафа (см.: Пс. 49/48, 50/49, 73/72 — 82/81 и др.), сынов Кореевых (см.: Пс. 42/41, 44/43 — 49/48, 84/83, 85/84 и др.) и псалмы, исполнявшиеся Йедутуном (в Синодальном переводе — Цифури) и сыновьями царя Давида (см.: Пс. 39/38, 62/61 и др.).